

ТЕКСТНИКА. ВВЕДЕНИЕ В ЭЛЕКТРОННУЮ ФИЛОЛОГИЮ

*М. Н. Эпштейн*¹

¹ Университет Эмори
30322, США, Атланта, Даумэн драйв, 201
Поступила в редакцию 29.07.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-5

Цифровая филология изучает бытие текстов в электронных сетях, способы их чтения, написания и преобразования. Электронный текст гораздо более флюиден и легче поддается трансформациям, чем бумажные тексты и устные высказывания. Текстоника – это сочетание теоретической и практической работы с электронными текстами, использование Интернета и всех возможностей компьютерной техники для создания новых знаковых ансамблей, разработки новых жанров интеллектуального творчества, реорганизации и переосмысления уже существующих текстуальных массивов. В статье вводятся ряд понятий, обозначающих разные конфигурации электронных текстов: мегатекст – совокупность текстов, которые воспринимаются и исследуются как единое тематическое или семантическое целое; унитекст – совокупность всех мегатекстов, «всемирная литература»; надтекст – текст более высокого, общего порядка по отношению к данному; синтексты, объединенные общим надтекстом и выступающие по отношению друг к другу как синонимы; перитекст – список синтекстов, текст-оглавление, который выдается поисковой системой. Цифровой автор и исследователь взаимодействует со всей сетью: каждое слово должно быть соотнесено не только с его непосредственным контекстом, но также и с надтекстами, где оно использовалось другими авторами на протяжении всей истории письма. При этом меняется основная филологическая процедура: интерпретация как глубинно-семантическое прочтение текста все более вытесняется его ретекстуализацией, трансформацией, расширением или сужением его знаковых рамок. Интернет позволяет легко компоновать новые тексты, куда прочитанное входит на правах цитат или гиперссылок. Тем самым связанное, линейное чтение и письмо уступают место сквозному, парадигмальному. С распространением автоматического перевода и многоязыковой компетенции читателей меняется и принцип взаимоотношения языков: перевод как поиск эквивалентности уступает место конструктивной метаморфозе, играющей на неэквивалентности разных языков.

Ключевые слова: филология, текстоника, высказывание, надтекст, мегатекст, синтекст, перевод, стереотекстуальность, интерпретация, ретекстуализация, М. Бахтин, И. Бродский, В. Набоков.

1. Электронная филология – текстоника

Электронная филология – это особая гуманитарная дисциплина, теория и практика работы с сетевыми текстами. Переход от печатных текстов к электронным создает небывалые возможности, которые традиционная филология, ограниченная текстом на бумаге, не может ис-

пользовать и даже вообразить. Уместно назвать эту дисциплину **текстони́кой** (textonics), соединив слова «текст» и «электроника». Если традиционная *текстология* — это отрасль филологии, которая занимается изучением и изданием бумажных текстов, то *текстоника* — это *отрасль филологии, которая занимается изучением и организацией электронных текстов*. Но разница не только в предмете, но и в подходе. Если традиционную филологию можно уподобить ботанике, изучающей свойства растений, то электронную филологию уместно сравнить с лесоводством и садоводством, возделыванием почвы и выращиванием новых пород.

Текстоника не сводится к тому, что принято называть digital humanities — дигитальной гуманитаристикой. Последняя предполагает прежде всего собирание информационных баз по гуманитарным наукам, а также преподавание и популяризацию гуманитарных знаний посредством электронных сетей. В этом же смысле дигитализация может охватывать и естественные, и социальные науки, то есть она не специфична для гуманитаристики. Текстоника — это сочетание теоретической и практической работы с электронными текстами, использование Интернета и всех возможностей компьютерной техники для создания новых знаковых ансамблей, разработки новых жанров интеллектуального творчества, реорганизации и переосмысления уже существующих текстуальных массивов. Это направление скорее можно охарактеризовать терминологическим палиндромом — как «гуманитаристику дигитального» («humanities of the digital»)¹.

Все основные понятия филологии: «читать», «писать», «текст», «интерпретация» — приобретают новый смысл в электронной вселенной и подчас даже требуют другой терминологической артикуляции. В этой статье предлагается система понятий, относящихся к электронному бытию текстов, к новым методам их чтения и интерпретации.

2. Высказывания и текстоиды

«Текст» как центральное понятие гуманитарных наук прикреплен к стабильному материальному носителю, к бумаге, к книге, где остается неизменным. Но понятие «текста» в строгом смысле неприменимо к бытию как устных, долитературных, так и сетевых, «постлитературных» жанров словесности. В фольклоре нет текстов как таковых, поскольку песни и сказки, передаваясь из уст в уста, трансформируются в ходе их восприятия и распространения. Лишь позднее, записываясь фольклористами и печатаясь в книгах, они получают статус текстов. В электронной словесности текст также уступает место свободным конфигурациям знаков, которые подчиняются таким командам, как «вырезать», «скопировать», «вставить», «поиск», «замена», и другим способам ретекстуализации. Электронный текст точнее называть «диги-текстом»

¹ Именно так оно обозначено в программе ежегодной конференции «New Directions in the Humanities», прошедшей в Чикаго в июне 2016 года: «From Digital Humanities to a Humanities of the Digital» (<http://thehumanities.com/the-conference>).

(digi-text, сокращенно от digital text) или «текстоидом», «как бы текстом» (textoid, греч. *oid* *наподобие* от *eidos*, *образ*). Он лишен твердой фиксации, свободно меняет свой формат и контекст, переходя от пользователя к пользователю.

Текстоиды ближе к тому, что М. Бахтин понимает под «высказыванием», противопоставляя его тексту:

Высказывание (речевое произведение) как целое входит в совершенно новую сферу речевого общения (как единица этой новой сферы), которая не поддается описанию и определению в терминах и методах лингвистики и — шире — семиотики. <...> Термин «текст» совершенно не отвечает существу целого высказывания. Не может быть изолированного высказывания. Оно всегда предполагает предшествующие ему и следующие за ним высказывания... Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено (Бахтин, 1979, с. 339–340).

По сути, текстоиды даже более текучи, подвижны, чем устные высказывания. Бахтин определял границу между высказываниями как смену речевого субъекта. Но текстоид может объединять в себе элементы высказываний самых разных речевых субъектов, свободно их перемешивать операциями «вырезать» и «вставить», что невозможно в устной речи.

Например, отвечая на электронные письма, мы часто используем полученный текст и вносим в него изменения, вставляем свои соображения, комментарии, помещаем ответы между заданными вопросами. При устном общении то, что было сказано, не может вновь стать «несказанным»: с момента произнесения оно оказывается навеки запертым в прошлом. В электронной же среде есть только настоящее и будущее — открытое и незавершенное. В этом мире все написанное может быть многократно и множеством способов переписано, а может и исчезнуть, став «ненаписанным».

М. Бахтин подчеркивал, что каждое высказывание меняет свой смысл в зависимости от его отношения к другим высказываниям, отсюда важность контекстуализации. Однако в электронной вселенной достигается еще более высокая ступень подвижности знакового объекта: меняется не только его смысл, но и сам текст, набор знаков. Контекстуализация переходит в ретекстуализацию. Текстоиды открывают простор новому способу критического прочтения-переписывания электронных знаковых формаций.

3. Мегатекст и надтекст

Рассмотрим эти текстуальные конфигурации, которые расширяют как наше теоретическое представление о текстуальности, так и практические возможности (ре)организации текстов в сетевом пространстве. Приводимые ниже понятия и термины отражают верхние, самые общие уровни текстовой реальности, которые особенно наглядно выступают в электронных сетях и становятся объектом самостоятельного изучения и творческой трансформации.

Мегатекст (megatext) — совокупность текстов, которые воспринимаются и исследуются как единое целое, пронизанное общими темами, лейтмотивами, архетипами, символами, ключевыми словами, стилевыми приемами. Например, *мегатекст немецкого романтизма*, или *мегатекст китайской пейзажной лирики*, или *мегатекст «лишнего человека» в русской литературе* — это совокупность всех текстов, принадлежащих к данной теме или культурно-исторической формации. Мегатекст — это субстанциальный термин, определяющий объем того текстуального целого, в рамках которого рассматриваются индивидуальные тексты.

Надтекст (supratext) — это реляционный термин, который соотносит данный авторский текст или его фрагменты с мегатекстами более высоких уровней. Надтекст — текст обобщенного порядка по отношению к данному. Например, многие мотивы в поэзии Андрея Белого могут быть поняты только в *надтексте русского символизма* или в *надтексте антропософского движения*. Если контекст — это окружение данного текста на том же самом системном уровне, то надтекст — *единица более высокого системного плана*, например символизм по отношению к поэзии А. Белого, русская литература Серебряного века или европейский символизм — по отношению к русскому символизму и т. п. У каждого произведения, а также отдельного образа, мотива, словосочетания может быть множество надтекстов. Надтекст — совокупность текстов, в которую данный текст вписывается одним из своих сегментов, длина которого может быть задана различно: от одного слова до группы предложений или сколь угодно длинного набора ключевых мотивов.

Например, надтекстами стихотворения Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...») являются:

1. Все тексты, в которых встречаются отдельные строки или значимые сегменты данного стихотворения, такие как «Я помню чудное мгновенье», «В глуши, во мраке заточенья», «И жизнь, и слезы, и любовь».

2. Все тексты, в которых встречаются имена Анна Керн и Александр Пушкин.

3. Все тексты, написанные по-русски в 1825 году (дата как надтекстовая единица, признак надтекстовой общности).

4. Все тексты, написанные Пушкиным в Михайловском (место написания как надтекстовая единица).

5. Все тексты, в которых говорится о любви.

6. Все тексты, в которых говорится о памяти, и т. д.

Таким образом, один и тот же текст может иметь множество надтекстов в зависимости от того, какой его сегмент (сечение) рассматривается как образующий признак данной надтекстовой общности. Надтекст — это *совокупность знаковых множеств, объединенных наличием у них общего элемента* (таковым может служить словосочетание, метафора, имя автора, место написания и т. д.). Читая стихотворение «К***», мы можем проследить употребление каждого его слова в других текстах Пушкина и у других авторов его времени или последующих эпох, можем искать надтексты таких выражений, как «чудное мгновенье» или «гений чистой красоты», иначе говоря — воспринимать это стихотворение в составе множества надтекстов.

4. Синтекст и унитекст

Все тексты, объединенные общим надтекстом, выступают по отношению друг к другу как *синтексты* (syntexts), *со-тексты*. Как синонимы — это слова, имеющие общее семантическое ядро, так синтексты — тексты, имеющие общий компонент, по отношению к которому они и определяются как тексты-синонимы. Например, стихотворение «К***» А. Пушкина, «Нет, не тебя так пылко я люблю» М. Лермонтова и «К. Б.» Ф. Тютчева («Я встретил вас — и все былое...») — это синтексты, объединяемые мотивом «любовная память — вторая встреча». Категория синтекста особенно важна в текстуальной реальности Сети, которая исследуется посредством поисковых систем. Каждый поиск — это, по сути, собирание и сопоставление всех синтекстов данного выражения, по которому ведется поиск.

Надтекстом всех существующих текстов является *унитекст* (unitext), то есть совокупность всех текстов на данном языке (*национальный унитекст* — русский, французский, китайский и т.п.) либо всемирный текст человечества (*глобальный унитекст*). И. В. Гёте ввел в употребление понятие «всемирная литература», указывая на растущее единство национальных литератур, становление их общего культурно-смыслового пространства: «Сейчас мы вступаем в эпоху мировой литературы, и каждый должен теперь содействовать тому, чтобы ускорить появление этой эпохи» (Эккерман, 1934, с. 348). С развитием всемирной Сети, компактно сжимающей всю знаковую вселенную, становится все более ощутимой реальность «всемирного текста». *Унитекст* — это одновременно *уни-версальный* и *уни-кальный* текст. Как и универсум, он существует в единственном числе, ибо объемлет всё, что написано на данном языке или на всех языках. Национальные компоненты всемирного унитекста электронно взаимосвязаны и в принципе взаимопереводимы (хотя еще и крайне несовершенно).

5. Перитекст

Перитекст (peritext, от греч. приставки peri-, означающей *вокруг*, ср. *периметр*, *периферия*) — это список синтекстов, текст-оглавление, который выдается поисковой системой (например, «Гуглом»); перечень страниц, подобранных к соответствующему слову или словосочетанию. Например, если мы введем в «Гугле» слово «поэзия», то на шестой странице результатов поиск принесет нам следующую подборку сайтов:

1. Р. Якобсон. Поэзия грамматики и грамматика поэзии.
2. Поэзия и проза Древнего Востока. Знакомление с литераторами Древнего Востока не только дает нам возможность пережить радость встречи с «началом начал»...
3. Поэзия — Космическое Полиискусство Третьего... Поэзия — это первичный Язык, в Обители Божьей всё звучит на Языке Поэзии, на Языке Самой ЛЮБВИ...

4. Сэт-лист праздничного концерта «Поэзия бита»: 1. N’Rans. Александр Пушкин — «Евгений Онегин» (попурри)...
5. Китайская тансовая поэзия. Стихи китайских поэтов периода династии Тан, древнекитайская музыка и живопись на шелке и бумаге в высоком разрешении. Бесплатно...
6. СТИХИ И ПОЭЗИЯ. Зона умолчания. Есть такие слова и темы, которые специалисты охотно уступают дилетантам...
7. Живая поэзия для iPhone, iPod touch и iPad в App Store...

Перитекст — новая и все более важная текстовая реальность, с которой мы сталкиваемся почти так же часто, как с традиционным «связным» текстом. По сути, перитекст — это *оглавление мегатекста*, схема его содержания, его визитная карточка, перечень текстов для данного слова или выражения. Оглавление содержит имена авторов, адреса и отсылки к тем сайтам, где данное слово / выражение употребляется. Например, мегатекст «лишнего человека» в русской литературе образуется совокупностью сайтов (более миллиона), где это словосочетание встречается в Рунете. Перечень всех этих сайтов (как правило, начиная с Википедии и других словарей и энциклопедий) и составляет перитекст. Чтобы было удобнее с ним работать, приходится его сокращать, ограничивать словами-спецификаторами, например «лишний человек, Пушкин» или только «Евгений Онегин», «“Дневник лишнего человека” Тургенева» и т.д.

Какова природа перитекста? Он предоставляет читающему и пишущему множественные входы во вселенную сетевых текстов, возможность рассматривать их как строки единого мегатекста. Отсюда следует, что сам сетевой поиск становится методом чтения.

6. Сквозное чтение и письмо

При работе над текстом теперь приходится иметь в виду те надтексты, в которые он впишется, включая и *надтекст всех надтекстов* — *унитекст*. Используя те или иные слова или выражения, важно проверять их наличие в Сети, частоту и вариации употребления, значение, сочетаемость, степень оригинальности. Каждая строка теперь включает не просто в сочинение данного автора, но в национальный и глобальный унитекст, во всю электронную вселенную, приобретая дополнительный смысл во множестве пересекающихся надтекстов. При создании текста важно вписывать слова в определенные парадигмальные ряды, чтобы последующий сетевой поиск мог обнаружить их в составе определенных тематических, дисциплинарных, энциклопедических надтекстовых формаций. Написанное должно быть предназначено не только для последовательного чтения, как на бумаге, но и для сетевого, *сквозного чтения* (*hyper-reading*), как бы проходящего сквозь все страницы / сайты, где употребляются данные слова, фразы, мотивы. Надтекст конкретного выражения, например «время — подвижный образ вечности», включает все случаи его использования у Платона, А. Бергсона, С. Франка и других авторов, тексты которых по отношению друг к другу выступают как синтексты.

Перитекст, то есть оглавление надтекста, которое предстает как результат сетевого поиска, — это как бы корешок новой виртуальной книги, мгновенно набранной из множества сайтов по принципу совпадения искомого слова, фразы, фрагмента. Теперь каждая строка не только имеет глубинный смысловой *подтекст* и актуальный исторический *контекст*, но и непосредственно встраивается в *надтекст*, в электронную вселенную знаков.

Итак, наряду со *связным чтением*, которое следует линейной последовательности данного текста, возникает *сквозное чтение*, которое обращается прямо к надтекстам, разбегается по множеству отсылок (гиперлинков). В доэлектронную эру «всемирная литература» или такие мегатексты, как «русская литература» или «литература эпохи романтизма», являлись абстрактными понятиями: никто их не видел, и немислимым было не только прочесть их в целом, но и проследить в них судьбу отдельных слов, выражений, мотивов. Сейчас всемирная литература в виде унитекстов и мегатекстов становится все более осязаемой, читаемой «насквозь» хотя бы в отдельных своих мотивах и сегментах.

Это накладывает новые обязательства на пишущего и одновременно раздвигает пространство его работы. Страница впервые становится тем, что ей «на корню» написано, — «стринницей» в электронном пространстве, где она может быть включена в сотни и тысячи виртуально «сшиваемых» книг в соответствии с мгновенными запросами сквозного чтения. Автор должен быть готов к тому, что каждая его страница принадлежит уже не только к им самим написанному и «заявленному» тексту (блогу, статье, книге), но к целому множеству надтекстов — виртуальных книг, образуемых порядком сетевого поиска и сквозного чтения. Теперь надтексты столь же легко читаемы или по крайней мере проглядываемы, как и первичные, «связные» тексты, созданные своими авторами.

7. От интерпретации к ретекстуализации

Интерпретация по праву считалась основной процедурой гуманитарных наук, прежде всего филологии, литературоведения, истории, культурологии. Раньше текст мыслился твердо фиксированным, «приколотым» к бумаге — оставались подвижными только его значения. Интерпретация — это способ смыслового присвоения, ассимиляции, трансформации текста при полном сохранении его знаковой идентичности. Скажем, один и тот же текст может интерпретироваться с позиций марксизма, психоанализа, христианского гуманизма, экзистенциализма, феминизма и т. п.

Однако с распространением электронных способов коммуникации текст теряет свою идентичность, он столь же легко видоизменяется, как сказка или песня в устном народном творчестве. Переходя из уст в уста, они приспособляются к новым условиям места, времени, исполнения, личности исполнителя. Певец или рассказчик не интерпретирует былин, он просто иначе перепевает или пересказывает их, трансформируя не только смысл, но и сам текст. Для каждой деревни, для каждой

возрастной аудитории — своя вариация. Так бытует слово в *долитературную* эпоху. Электронная словесность — это уже *постлитературная эпоха*, когда слову возвращается та же подвижность и пластичность, что и в устном бытовании. Значимость интерпретации как филологической процедуры уменьшается, поскольку критика текста становится *перформативной*. Вместо того чтобы истолковывать его, приспособливать его смысл к своим нуждам, к потребности момента, проще его изменить.

Интерпретация как глубинно-семантическое прочтение текста все более вытесняется его *ретекстуализацией*, трансформацией, расширением или сужением его знаковых рамок. Сеть позволяет пользоваться командами «вырезать», «вставить» и пр., чтобы компоновать новые тексты, куда прочитанное входит на правах цитат или гиперссылок. Но дело не только в том, что при построении новых текстов используются элементы других, что электронный текстoid лишается «твердости» и начинает «растекаться», как часы на полотнах С. Дали. Суть в том, что любой текст теперь входит во множество мегатекстовых, надтекстовых, синтекстовых, унитекстовых образований разных уровней и читается и пишется в их составе, преломляется через их призму. Смысл текста пульсирует, включаясь в разные знаковые конфигурации. Глубинная семантика заменяется текстовой динамикой. Смысл из семантической категории превращается в синтаксическую. Если раньше богатство смысла проецировалось вовне текста, в сферу означаемых, то теперь — в его подвижное текстовое окружение, в смену тех рамок, фреймов, знаковых формаций, где он постоянно меняет свой смысл.

Ретекстуализация — это гораздо более радикальный способ работы с текстами, чем то, что Бахтин мыслил как «контекстуализацию» или «диалогизацию» текстов. Он писал: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» (Бахтин, 2002, с. 424). Одно дело — «световое» взаимоотношение текстов, преломляющихся друг в друге своими смыслами. Другое — ретекстуализация текстов, то есть их прямая трансформация, которая создает нечто совершенно новое из текстов-предшественников. Здесь происходит своего рода текстуальная эволюция, аналогичная эволюции живых организмов, которые в каждом новом поколении наследуют гены своих предков, смешивают их — и параллельно проходят через естественный отбор, приспособляясь к окружающей среде, к другим текстам. Разумеется, такие переформатирование и эволюция текстов, образующих новые смысло-знаковые конфигурации, происходят гораздо быстрее, чем биологическая эволюция организмов.

8. Стереотекстуальность. От перевода к метаморфозе

Перевод и его соотношение с оригиналом тоже оказывается сферой приложения творческой филологии. По мере развития электронных сетей разные языки все более тесно соприкасаются — и вместе с тем со-

вершенствуются алгоритмы машинного перевода. Если прежние автоматические переводчики обрабатывали каждое слово / фразеологизм по отдельности (пользуясь словарями), то нейросеть, на основе которой Google Translate работает с 2017 года, переводит предложения целиком с учетом множественных контекстов и меняющихся смыслов. Этот же сервис обеспечивает мгновенный перевод любой веб-страницы и поиск новой информации с ее одновременным переводом на другие языки. Означает ли это, что профессия переводчика как посредника между языками постепенно отойдет в прошлое под натиском все более совершенных самообучающихся программ? Или же сама категория перевода как поиска эквивалентных отношений между текстами на разных языках уступит место какому-то другому роду литературной деятельности?

Х.Л. Борхес в своем эссе «Версии Гомера» (1932) утверждал равноценность всех языковых вариантов — (пере)воплощений данного текста. Все они своего рода черновики, проекции некоего платонического «первотекста», существующего во множестве копий, ни одна из которых не лучше другой, но все лишь до некоторой степени схожи с незримым прототипом. Глубинное их сравнение возможно лишь при условии, что мы не знаем, какой из них оригинал, а какой перевод, ибо все они дополняют и оттеняют друг друга.

Стереотекст (stereo-text, от греч. stereos — *объемный, пространственный*) — текст, параллельно существующих на двух или нескольких языках и позволяющий «объемно» воспринять выраженные в нем смыслы. Как для полноценного физического восприятия предмета человеку даны парные органы чувств, так же для «стереоскопического» восприятия мысли ему даны разные языки. Вступить на границу двух языков и культур подобно тому, как от монозвука перейти в мир стерео: видеть одну культуру глазами другой и видеть все вещи двумя глазами. Эффект двуязычия сходен с эффектом стереомузыки или стереокино: звук и изображение вдруг обретают волшебный объем, потому что каждый орган восприятия имеет свою проекцию предмета и, складываясь, они воспроизводят его многомерность. Наряду с эффектами стереокино и стереомузыки, воссоздающими полный объем образа и звука, возможны *стереопоззия* и *стереопроза*, которые пользуются разностью языков для того, чтобы представить образ или идею в их объемности. *Стереотекст*, как правило, состоит из двух или нескольких параллельных текстов на разных языках, которые трактуют один предмет и относятся друг к другу как вольный перевод или переложение.

В отличие от перевода, стереотекст играет на разности, *неэквивалентности* языков и создает нелинейный, выпуклый, многомерный образ предмета благодаря совмещению разных языковых проекций. Стереотекст — это, по сути, анти-перевод, поскольку он стремится не к идентичности двух текстов, а, напротив, к наибольшей их дифференциации, заостряя именно разностный потенциал языков.

У каждого языка — свои пристрастия и возможности. Например, по-английски легко излагаются конкретные факты и технические по-

дробности, которые порой громоздко или коряво передаются на русском. По-русски можно высказать ряд метафизических умозрений, которые по-английски звучат туманно или претенциозно. Русский текст в одних ситуациях пространнее, в других — экономнее, чем английский: двуязычное письмо растягивается, сокращается, переворачивается, как лента Мёбиуса, переходя с языка на язык. Вместо точного перевода читателю предлагается переключка двух текстов, сохраняющих общую логико-тематическую последовательность, но не совпадающих даже на уровне глав и абзацев. Двуязычие здесь служит оправданием «двоеанию» мысли, ее многовариантному развитию. Например, для двуязычных читателей Иосифа Бродского представляет интерес тот стереотекст, который образуется взаимоналожением русских стихотворений и их английских автопереводов. Строка из стихотворения «К Урании» «Одиночество есть человек в квадрате» так переведена самим автором на английский: «Loneliness cubes a man at random» («Одиночество наугад возводит человека в куб»). При этом к внутриязыковой метафоре одиночества как математического действия (возведение в степень = умножение себя на себя) добавляется межъязыковая фигура: «квадрат» по-русски — «куб» по-английски.

Сам И. Бродский так рассуждал о возможностях двуязычия:

Когда владеешь двумя языками, одним аналитическим, как английский, и другим синтетическим, очень чувственным, как русский, ты получаешь почти сумасшедшее ощущение всепроникающей человечности. Это может облегчать понимание, а может обескуражить, потому что видишь, как мало может быть сделано. Иные виды зла — результат недостатков грамматики (русской), а аналитический подход может вести к поверхностности, бесчувственности (цит. по: Лосев, 2006, с. 243).

Разные языки обладают разной логико-грамматической метрикой и «кривизной» в смысловом пространстве, и если перевод (translation) нивелирует этот эффект разности, оставляя в остатке эквивалентность двух языков, то стереотекст предлагает скорее *соразвод* (interlation) языков в объемной перспективе, их наложение друг на друга. Двойная, по сути, оксюморонная приставка *сораз-* здесь особенно уместна, поскольку указывает на *сведение разведенного*, на двоякий акт *со-* и *раз-*. Такой же *стереоэффект* создается и в сознании читателя — билингва или полиглота, параллельно читающего один и тот же текст в оригинале и в переводе на разные языки или в переложении самого автора. Для читателей, владеющих французским и английским, представляет интерес не столько тождество, сколько именно различие таких текстов С. Беккета, как «Malone meurt» и «Malone Dies». Соразвод, в отличие от перевода, играет именно на контрастах двух языков, на их взаимной непереваемости.

Несовпадение подлинника и переложения может стать источником дополнительной информации или самостоятельного эстетического эффекта, который не содержится ни в одном из них. Собственно, в *сте-*

реоэстетике упраздняется сама иерархия первичного и вторичного, оригинала и перевода, поскольку они образуют многомерный смысловой континуум, где внутритекстуальные тропы и фигуры дополняются их перекрестными метафорическими и метонимическими связями с планом иного языка. В соответствии с гипотезой лингвистической относительности Сепира — Уорфа, *транслингвизм* (translingualism) возводит многомерность каждого образа в энную степень и по-новому рассматривает саму категорию литературного произведения, которое уже не тождественно одному тексту, но скорее выступает как «волновая» функция перемещения из языка в язык.

Особенно этот переход от дискретной эстетики к континуальной, к тексту-метаморфозе очевиден в случае многократных переложений: например, «Conclusive Evidence» (1951), «Другие берега» (1954) и «Speak, Memory» (1967) В. Набокова представляют последовательную трансформацию автобиографического нарратива из английского в русский и обратно. Автор сначала попытался перевести свои воспоминания с русского на английский, но убедился в тщетности этого замысла:

Недостатки объявились такие, так отвратительно тарасилась иная фраза, так много было и пробелов и лишних пояснений, что точный перевод на русский язык был бы карикатурой Мнемозины. Удержав общий узор, я изменил и дополнил многое. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо... (Набоков, 2003, с. 425).

Еще более сложным оказалось последующее переложение расширенной русской версии обратно, на английский. Сам Набоков подчеркивал, что эти разные версии воспоминаний — вовсе не перевод. Скорее они представляют собой *метаморфозу*, подобную той, которая происходит с живыми организмами, когда они меняют среду обитания.

«Пере-англизировать русское переложение того, что было английским пере-сказом русских воспоминаний, — дьявольски сложная задача, но я нашел некоторое утешение в том, что такие множественные метаморфозы, знакомые бабочкам, никогда не предпринимались ни одним человеческим существом» (Nabokov, 1964, p. 12–13)².

«Метаморфозом» в биологии называется перемена всего строения организма, обычно связанная с резкой сменой образа жизни, например переходом от свободноплавающего к прикрепленному образу жизни, от водного — к наземному и т. д. В применении к тексту как организму происходит перемена языковой среды, которая открывает путь для его

² «This re-Englishing of a Russian re-vision of what had been an English re-telling of Russian memories in the first place, proved to be a diabolical task, but some consolation was given me by the thought that such multiple metamorphosis, familiar to butterflies, had not been tried by any human before».

потенциально бесконечной эволюции, «текстоморфозы». Это, по сути, микромодель культуры как целого, которая возрастает благодаря дивергенции текстов, *соразводимых* в процессе взаимодействия языков (если иметь в виду и языки различных дисциплин, методологий, мировоззрений).

Возможно, стереотекстуальность — это будущее литературы и человеческого общения, когда языки будут служить не заменой, а дополнением друг другу. В эпоху мононациональных культур смешение разных языков воспринималось как комический прием, «макаронический стиль», демонстрирующий неестественность, смехотворность такого смешения. Но по мере того как языки смешиваются в планетарном обществе, двуязычие становится нормой для значительной доли населения и комический эффект стирается. Языки свободно сочетаются внутри одного авторского сознания, одной группы читателей или культурной среды, дифференцируясь по экспрессивно-стилевым функциям. В глобальной культуре многоязычие и, как следствие, стереотекстуальность становятся правилом, а не исключением. Поэтому вместо перевода и возникает деятельность *с-ведения* и *раз-ведения* языков (*interlation*) для выражения смыслов, которые, таким образом, обнаруживают новые измерения в процессе своих языковых перевоплощений. Отсюда и новые возможности для многоязычия в самых разных жанрах и дисциплинах: *стереопоззия, стереопроза, стереофилософия, стереокультурология* и т. п.

Список литературы

Бахтин М. Из записей 1970—71 гг. // Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.

Бахтин М. Рабочие записи 1960-х — начала 70-х годов // Собр. соч. Т. 6. М. : Русские словари, 2002.

Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М. : Мол. гвардия, 2006.

Набоков В. Другие берега. Предисловие к русскому изданию. // Набоков В. Машенька ; Защита Лужина ; Соглядатай ; Другие берега. М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003.

Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. М. ; Л. : Academia, 1934.

Nabokov V. Speak, Memory. L. : Weidenfield and Nicolson, 1964.

Об авторе

Михаил Наумович Эпштейн, профессор, Университет Эмори, Атланта, США.

E-mail: russmne@emory.edu

Для цитирования:

Эпштейн М. Н. Текстоника. Введение в электронную филологию // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 59—71. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-5.

TEXTONICS: AN INTRODUCTION TO ELECTRONIC PHILOLOGY

M. N. Epstein¹¹ Emory University
201 Dowman Dr., Atlanta, GA, 30322, USA

Submitted on July 29, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-5

Digital philology studies texts and textuality in electronic networks and the ways of their reading, writing and transformation. Electronic texts are much more fluid and transformable than paper texts and oral utterances. Textonics is a combination of theoretical and practical work with digital texts, the use of the Internet and all the capabilities of computer technology to create new sign ensembles, to develop new genres of intellectual creativity, and to rethink and reorganize existing textual formations. This article introduces a number of theoretical concepts, denoting different configurations of digital texts: megatext – a collection of texts that are perceived and studied as a single thematic or semantic whole; unitext – the totality of all megatexts; supratext – the text of a higher order in relation to the given one; syntexts united by a common supratext and functioning as synonyms with respect to each other; peritext – a list of syntexts, a table of contents as presented by a search engine. Each author and researcher of electronic texts has to interact with the entire Web: each word has to be properly placed not only within its immediate context, but also in the supratexts of its usage by other authors throughout the history of writing. As a result, the main philological procedure is shifting: interpretation, as a deep-semantic reading of a text, is increasingly superseded by its retextualization, transformation, expansion or narrowing of its sign frameworks. The internet makes it easy to synthesize new texts that integrate or disperse the initial, analysed text via quotes or hyperlinks. Thus, coherent, linear reading and writing give way to the paradigmatic, cross-cutting approach. With the proliferation of automatic translation programs and the multilingual competence of readers, the interaction among languages also changes: translation as a search for equivalence gives way to an interlation, a constructive metamorphosis that plays on the inequivalence of different languages.

Keywords: philology, textonics, utterance, textoid, overtext, megatext, syntext, translation, stereo textuality, interpretation, retextualization, Mikhail Bakhtin, Joseph Brodsky, Vladimir Nabokov.

References

- Bakhtin, M., 1979. From the records of 1970–71. In: M. Bakhtin, ed. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo (in Russ.).
- Bakhtin, M., 2002. Working notes of the 1960s – early 70s. In: M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari (in Russ.).
- Losev, L., 2006. *Iosif Brodskii: opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky: the experience of literary biography]. Moscow: Mol. gvardiya (in Russ.).
- Nabokov, V., 2003. Other shores. Preface to the Russian edition. In: V. Nabokov. *Mashen'ka. Zashchita Luzhina. Soglyadai. Drugie berega* [Mashenka. Luzhin's defense. Spy. Other shores]. Moscow: OLMA-PRESS Obrazovanie (in Russ.).
- Nabokov, V., 1964. *Speak, Memory*. London: Weidenfield and Nicolson.
- Ekkerman, I.P., 1934. *Razgovory s Gete* [Conversations with Goethe]. Moscow; L.: Academia (in Russ.).

The author

Prof. Mikhail N. Epstein, Emory University, Atlanta, USA.
E-mail: russmne@emory.edu

To cite this article:

Epstein, M.N. 2019, Textonics: an introduction to electronic philology, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 59–71. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-5.